

Того дня Чэн Му сопровождал Шэнь И на частную встречу. По окончании переговоров Шэнь И не стал сразу уезжать, а направился к расположенному неподалеку бутику дизайнерской одежды.

Чэн Му на мгновение замер, его шаги сбились с ритма.

Он был рядом с Шэнь И уже больше десяти лет и ни разу не видел, чтобы того интересовали походы по магазинам. Одежду для Шэнь И шили на заказ: костюмы, рубашки, часы — всё это доставлялось из элитных бутиков прямо в поместье Шэнь по графику. Он даже галстуки себе никогда не выбирал сам.

Ему было всё равно. Ему не было дела ни до одежды, ни до того, во что одеты люди вокруг.

Но сегодня он вдруг сам зашел в магазин.

Чэн Му следовал за ним, ступая бесшумно, но его взгляд цепко и невозмутимо скользил по интерьеру.

В бутике царил мягкий свет, на вешалках красовались новинки от кутюр, каждая из которых стоила целое состояние. Продавец с подобострастной улыбкой поспешил навстречу:

— Господин Шэнь, что бы вы хотели посмотреть?

Шэнь И равнодушно окинул взглядом зал и небрежно бросил:

— Просто смотрю.

С этими словами он направился в мужской отдел.

Чэн Му стоял у входа, молча наблюдая, как Шэнь И протянул руку и принялся перебирать одежду на вешалках. Движения его были медленными, казалось, он действительно выбирал что-то всерьез.

Взгляд Чэн Му дрогнул, в груди стало тесно.

Он вдруг вспомнил кое-что.

Все эти годы он носил только белые рубашки и черные костюмы. Однообразие, почти одинаковые фасоны. Но вовсе не потому, что он любил черный цвет — на самом деле, он его терпеть не мог.

Просто Шэнь И привык видеть его в черном.

Никто никогда не спрашивал, чего хочет он сам, а Шэнь И даже в голову не приходило выбрать для него другой цвет. Его одежда была лишь привычкой Шэнь И, а не его выбором.

Но теперь Шэнь И выбирал одежду сам.

Чэн Му не понимал, что творится у него на душе. Он стоял на месте, ошеломленно глядя на Шэнь И.

Тот еще немного порылся в вещах и остановился перед молочно-белым свитером с высоким горлом. Кончиками пальцев он коснулся ткани, слегка потер ее, а затем небрежно снял вещь с вешалки:

— Заверните.

Продавец тут же принял свитер с улыбкой:

— Слушаюсь, господин Шэнь.

Шэнь И повернул голову и равнодушно скользнул взглядом по входу. В ту же секунду Чэн Му услышал звонкий голос:

— Господин Шэнь!

Чэн Му нахмурился и поднял глаза. К Шэнь И быстрым, легким шагом приближался юноша. На нем был слегка мешковатый темно-серый плащ, который делал его фигуру еще более хрупкой. Утонченные черты лица, фарфоровая кожа и сияющие, как утренняя роса, глаза.

Юноша слегка запыхался, остановившись перед Шэнь И, и с ожиданием произнес:

— Почему вы здесь?

Шэнь И бросил на него спокойный взгляд:

— По пути зашел.

Юноша моргнул, его взгляд упал на свитер в руках Шэнь И, и улыбка стала шире:

— Это для меня?

Шэнь И не стал отрицать и протянул ему вещь:

— Иди примерь.

Юноша взял свитер, в уголках его губ заиграла радость, а в глазах вспыхнул свет:

— Спасибо!

Сказав это, он тут же направился в примерочную.

Чэн Му стоял на месте, сжимая пальцы, и с тяжелым сердцем наблюдал за этой сценой. Он никогда не видел, чтобы Шэнь И выбирал кому-то одежду. У того были десятки любовников, но если кто-то из них чего-то хотел, то выбирал это сам. Шэнь И в лучшем случае оплачивал счет, даже не взглянув на покупку.

А теперь он сам выбирает вещи для другого человека. И даже хочет видеть, как тот их носит.

Чэн Му опустил голову. Горло сдавило так, что стало трудно дышать.

Вскоре дверь примерочной открылась. Юноша вышел в свитере — мягкий подол, аккуратный воротник, всё это делало его облик еще чище и нежнее. Он поднял глаза на Шэнь И, моргнул и с застенчивым ожиданием спросил:

— Красиво?

Шэнь И посмотрел на него, прищурился и спустя мгновение медленно улыбнулся:

— Красиво, малыш.

Юноша просиял, в его глазах прыгали искорки, словно он был котенком, которого похвалил хозяин. Он слегка покружился, пытаясь уловить в выражении лица Шэнь И другие эмоции:

— Правда?

Шэнь И усмехнулся и ответил с легкой ленцой в голосе:

— Разве я когда-нибудь хвалю просто так?

Глаза юноши блеснули, губы невольно растянулись в улыбке:

— Тогда я не буду снимать.

Шэнь И, похоже, остался доволен его реакцией, небрежно кивнул и лениво произнес:

— Раз хочешь — носи.

Продавец тут же подсутился:

— Господин Шэнь, это лимитированная модель ручной работы, мы можем изготовить для вас еще несколько таких же в других цветах...

Шэнь И бросил:

— Хорошо.

Чэн Му стоял в стороне, молча наблюдая за всем этим, словно забытая тень. Он не помнил, как вышел из магазина. Когда он пришел в себя, его ногти уже глубоко впились в ладони, проступили капли крови. Но эта боль была ничем по сравнению с удушьем в груди.

Он вспомнил свои черно-белые рубашки, которые носил больше десяти лет.

Однажды в детстве он случайно испачкал одежду и надел темно-синюю рубашку. Шэнь И тогда взглянул на него и бросил:

— Не носи такие цвета.

С тех пор Чэн Му больше никогда не надевал ничего, кроме черного и белого. Он не то чтобы не любил другие цвета — просто его предпочтения никогда не имели значения.

А теперь Шэнь И готов сам выбирать одежду, готов смотреть, как кто-то другой носит вещи, выбранные им, и не раздумывая отвечать: «Хорошо».

И этот «кто-то» — не он.

Чэн Му опустил голову, чувствуя, как внутри все сжимается от горечи. Он твердил себе: это неважно. Шэнь И просто забавляется, скоро ему надоест. Но где-то глубоко внутри уже пролегла трещина. И она будет только расти.

Черный автомобиль плавно остановился у поместья Шэнь. Дождь стекал по стеклам, отражая одинокую фигуру Чэн Му. Он стоял прямо, сжимая в руке черный зонт, и ждал, когда Шэнь И выйдет из машины.

Дверь открылась, Шэнь И ступил на землю, полы его плаща взметнулись. В тот же миг Чэн Му ловко раскрыл зонт и наклонил его так, чтобы Шэнь И был полностью укрыт от дождя, чтобы ни одна капля не упала на него. Он привык так делать, и это было единственное, что он мог.

Шэнь И не остановился, а обошел машину с другой стороны. Дверь снова распахнулась, он наклонился, подхватил Ци Шэня на руки и вынес из машины.

Чэн Му застыл, держа зонт, его взгляд был прикован к человеку на руках у Шэнь И. Ци Шэнь мягко обвил шею Шэнь И, уткнувшись лицом в его грудь. Казалось, он то ли сонный, то ли просто капризничает — голос его звучал сладко, как леденец.

— Господин Шэнь, я не хочу идти, донесите меня, пожалуйста, — пробормотал Ци Шэнь. В его

голосе слышалась сонливость и избалованность, словно ребенок, который не хочет слезать с рук взрослого.

Шэнь И смотрел на него с нежностью, которой Чэн Му никогда не видел. Он пощипал Ци Шэня за щеку — то ли успокаивая, то ли балуя.

— Хороший малыш, — прошептал он и нежно поцеловал его в щеку.

Зонт в руках Чэн Му слегка дрогнул и накренился. Он смотрел на эту сцену, и в груди будто что-то оборвалось, в голове стало пусто. Он никогда не видел Шэнь И таким. Неужели этого мальчика уже успели так разбаловать? Даже его капризы вызывают у Шэнь И такой отклик.

Дождевая капля скатилась по спице зонта и упала прямо на лицо Ци Шэня. Холод заставил его нахмуриться, он обиженно надул губы и посмотрел на Шэнь И.

— Хм... — тихонько проворчал Ци Шэнь, словно его глубоко оскорбили.

Шэнь И тихо рассмеялся, прижимая его к себе крепче, словно пытаясь укрыть от всего мира. Затем он перевел взгляд на Чэн Му, и голос его стал холодным:

— Даже зонт держать не умеешь?

Слова были тихими, но от них веяло могильным холодом.

Чэн Му перехватило дыхание, пальцы судорожно вцепились в рукоять зонта.

Шэнь И не смотрел на него, он отвернулся и произнес низким, безразличным тоном:

— Встать на колени. Без моего разрешения не подниматься.

Сердце Чэн Му болезненно сжалось.

Шэнь И унес Ци Шэня в дом, следом за ними вошли остальные. Площадка перед входом мгновенно опустела. Чэн Му остался один, стоя на коленях под дождем, даже зонт у него отобрали.

Ливень обрушился на него, не щадя. Одежда насквозь промокла и прилипла к телу, холод пробирал до самых костей. Никакого укрытия. Вода текла по лицу, размывая все вокруг. Он поднял голову, глядя на закрытую дверь, и в груди поселилась тупая, невыносимая боль.

Он стоял на коленях, словно брошенная статуя, позволяя яростному дождю бить по своему телу. Холод был таким, что трудно было дышать.

Дождь лил так сильно, что глаза едва открывались. Он опустил голову, спрятав руки в промокшие рукава, пытаясь хоть немного согреться, но это было бесполезно — холод шел изнутри, из самой глубины души.

Время шло. Ноги онемели, кожа от ледяной воды стала бледной, губы посинели, но он не шевелился. Он знал: если Шэнь И сказал «не подниматься», значит, так и будет. Даже если он уже почти не чувствовал своего тела, даже если сознание начинало путаться.

Он стоял на коленях, вода стекала с волос, смывая с лица все чувства, стирая все эмоции. Он больше не поднимал головы, не смотрел на закрытую дверь, не замечал слуг и охранников, проходивших мимо. Он знал, что никто не остановится, никто не подаст ему даже капли жалости. Шэнь И приказал стоять на коленях — значит, он будет стоять.

Неизвестно, сколько прошло времени, но дождь наконец начал стихать. Каменные плиты у входа покрылись грязью. Сознание Чэн Му затуманилось, он перестал чувствовать боль, она стала притупленной.

Наступила глубокая ночь, поместье погрузилось в тишину, только свет ламп на стенах отбрасывал холодные отблески.

Чэн Му все еще стоял у входа. Одежда на нем успела намокнуть, высохнуть и снова промокнуть, холод, казалось, въелся в кости. Ноги онемели настолько, что стоять было почти невозможно, но он сохранял идеальную позу, не смея расслабиться ни на миг.

Его сознание плыло, он даже не заметил, как сзади слышались шаги.

— Господин Чэн.

Голос нарушил тишину. Чэн Му вздрогнул, из последних сил поднял голову и посмотрел на дворецкого, стоявшего на ступенях. Это был мужчина лет сорока, служивший в семье Шэнь еще при прежнем владельце. В обычное время он всегда был невозмутим, а сейчас смотрел на Чэн Му с ледяным равнодушием, словно объявлял о чем-то совершенно незначительном.

— Господин Шэнь велел передать: вы можете подняться.

Чэн Му сжал пальцы, молча пошевелил затекшими коленями, пытаясь выпрямиться, но от прилива крови едва не упал.

Дворецкий не протянул руки, чтобы помочь, лишь равнодушно наблюдал.

— Не ходите через парадный вход, — добавил он ровным голосом. — Возвращайтесь в свою комнату через черный ход.

В груди Чэн Му что-то болезненно ударило. Он понимал: это не просто приказ, это открытое унижение. У него больше не было права даже войти в дом через парадную дверь.

Чэн Му опустил голову и хрипло ответил:

— Я понял.

Дворецкий посмотрел на него и, не сказав больше ни слова, развернулся и ушел.

Чэн Му стоял на месте, выравнивая дыхание, а затем, опираясь на стену, шаг за шагом двинулся к боковой двери.

Ночь окутывала поместье Шэнь. Его тень тянулась далеко, одинокая и печальная. Никто на него не смотрел, никому не было до него дела — он был словно изгой, забытый целым миром.

В тот момент, когда открылась боковая дверь, Чэн Му оглянулся.

Весь особняк был залит огнями, и только там, где стоял он, царила непроглядная тьма.

<http://bllate.org/book/20551/2052975>